

Журнал и мемуары - 1994 - 3-10 февр. - с. 16

Леонов Евгений

3.2.94

Его любили дети, собаки, друзья, случайные попутчики, артисты, с которыми он работал в театрах, учителя и ученики, зрители, которые видели его только на экране.

За что? Любили — и все тут. Было, конечно, за что — за талант, за доброе сердце. Артистами восхищаются, им поклоняются, но, право же, тут именно это слово — любовь.

Его просили вручить новогодние подарки воспитанникам детского дома, и он сразу ставил это на первое место среди всех своих дел. Он выступал на выпускных вечерах в школах, где учились дети его друзей, в больницах, где лечились знакомые, он дарил себя.

Один зэк на ракушке нарисовал портрет Леонова: на руке наколка: «Не забуду Сахалин» и лицо такое доброе, лицо человека, как будто подмигивающего автору и умеющего прощать. Люди любили его и эта любовь лечила их.

Васильевич — инженером, мать Анна Ильинична — табельщицей, брат Коля — копировщиком, а подросток Женя — учеником слесаря.

Как показала вся дальнейшая судьба, эти жизненные «накопления», эти эмоциональные впечатления и простые нравственные уроки нелегкой жизни определили многое. Демократизм в искусстве не может быть эстетическим ухищрением артиста, это сущностная черта личности.

Иногда Леонов в шутку говорил, что он любимый артист таксистов и вахтеров. Правда, на его концерты собиралось много народу в Дубне и в Академгородке тоже; и я знаю писателей, которые, прослышав, что будет играть Леонов, готовы были отдать в театр пьесу, не спрашивая о сроках ее постановки. Но в каждой шутке есть доля правды: Леонов играл простых людей, играл такими, какие они есть, и этим был близок и дорог.

«Не могу передать, какое чувство внушает мне этот человек. Иногда думаю, теперь таких нет...»

Даже трудно представить, как много один человек — Евгений Павлович Леонов — успел сделать для многих людей. Сердечное его искусство, умные, лукавые его герои остаются с нами, но его больше нет. И никто никогда не займет его место ни в искусстве, ни в наших сердцах.

Леонов начал вовремя. Середина пятидесятых годов отмечена сближением искусства с жизнью, поисками достоверности. Чистое, правдивое, душевное слово о жизни простого человека — вот что становилось ценным. Дебюты — актерские, режиссерские, писательские, художественные открытия, эксперименты, дискуссии — атмосфера тех лет.

Демократизация героя или, как писали тогда газеты, «очеловечение героя» — вот главное направление этических и эстетических поисков. Такое искусство близко Леонову, именно такому искусству он был нужен.

Леонов принадлежит к художникам, которые слышат жизнь, время и действительно причастны герою демократическому.

Он рос в типичной московской семье среднего достатка. Жили в коммунальной квартире на Васильевской, занимали две небольшие комнаты. Дом вечно был полон, вкравшись и вкось стояли раскладушки — наезжали родственники, близкие и далекие, деревенские знакомые, друзья-товарищи.

Во время войны вся семья работала на авиационном заводе. Отец Павел

При этом он любил, жалел, понимал и защищал своих героев. Был мягок и милосерден даже к сатирическим своим созданиям, буквально не допуская мысли о безнадежной испорченности кого бы то ни было.

С 1961 года, когда на экраны вышел «Полосатый рейс» (мальчишки смотрели его по десять раз, да и взрослые, поругивая за примитивность, не прочь были снова посмеяться над приключениями несчастного «дрессировщика»), Леонов стал популярен. Популярность его росла из года в год, превращаясь во всенародную любовь.

Леонов сыграл в кино и театре много ролей — больших и малых, комедийных и драматических, совершенных и неудачных. Не играл — жил в этих ролях. Невероятно, но ему не нужен был грим с накладками, толщинки и масса других приспособлений и «хитростей» — на сцене или перед камерой, уже во время репетиций можно было заметить, как у него меняется взгляд, фигура, ритм дыхания и движения.

Формула Станиславского — «театр перевоплощения на основе переживания» — стала художественной религией Леонова. «Творчество, не освещенное, не оправданное изнутри чувством и переживанием, не имеет никакой цены и не нужно искусству», — писал Станиславский. Леонов не только мог подписаться под этими словами, он имеет все основания утверждать, что

в своей творческой жизни от них не отступал.

Его актерская биография по-настоящему началась в театре (по закономерному совпадению?) имени Станиславского, в пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных», и Яншин, постановщик спектакля, доверил ему роль Лариосина — ту самую, которая принесла известность ему самому. Началась в театре и завершилась в театре — не менее знаменитой ролью Тевье в спектакле М. Захарова «Поминальная молитва». А между ними такие свершения, как Креон в «Антигоне» — режиссер Б. Львов-Анохин, и Ванюшин в постановке А. Гончарова.

Театр и кино делили Леонова пристрастно, утверждая свои преимущественные на него права. Но он, никогда не изменяя театру, пронес через всю жизнь и любовь к кинематографу. Театральные роли превратятся теперь в легенду, а Потапов и Приходько, Шибалок и Сарафанов еще многие

годы будут встречать своих новых зрителей и вербовать новых поклонников Артисту. И кто-то снова напишет: «Для нас праздник — видеть Вас».

Прощаясь, хочу сказать Евгению Павловичу его же слова о герое пьесы А. Вампилова «Старший сын». (Они — из письма сыну Андрею, написанного во время съемок картины).

«...Мой Серафим, герой нашего фильма — потрясающая сила. Стоит мне сказать себе: «Я Серафим», как ко мне приходит абсолютная ясность, как будто все предстает передо мной в своем истинном виде — люди, поступки, факты. И как будто все вокруг понимают: хитрить и скрываться не следует. Не могу тебе передать, какое чувство внушает мне этот человек. Иногда думаю, да ведь это какое-то ископаемое, теперь таких нет; другой раз я думаю, это личность из будущего, совершенно лишенная скверны мешанства».

Нинель ИСМАИЛОВА.

